Государственный
орден
БИБЛ
В.

МУРЗИЛКА

№ 1 ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ ЯНВАРЬ 1955

XX 63
11

Портрет

НАЗАР НАДЖМИ

Есть портрет у нашей дочки.
На портрете том —
Наш Ильич родной читает,
Сидя за столом.

Спать Лейли пора ложиться,
Скоро будет ночь.
— Мама, что читает
Ленин? —
Спрашивает дочь.

Мать ответит. Только дочка
Говорит опять:
— А скажи, товарищ Ленин
Скоро ляжет спать?

— Ты уснёшь — и Ленин
ляжет, —
Мама ей в ответ. —
Встанешь — Ленин вновь
читает,
Он встаёт чуть свет.

Язычок у дочки длинный.
И уже сквозь сон
Снова спрашивает маму:
— Что читает он?

— Не шуми, — сказала
мама, —
Время помолчать.
Ты же, доченька, мешаешь
Ленину читать.

И ему придётся дольше
Просидеть без сна... —
Девочка глаза закрыла.
Крепко спит она.

Спит. И только свет не
гаснет
На портрете том:
Всё читает, всё читает
Ленин за столом.

Перевёл с башкирского Юрий Яковлев

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ЗОЛОТАЯ РУКА

МИХ. ПРИШВИН *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

Нашему дедушке в этом году стукнуло семьдесят семь лет, но он всё не унимается: работает с утра до ночи, а в свободное время даже и на охоту ходит.

Прошлый год погибла от чумы его любимая собака Жулька (Жизель). Наши соседи говорили:

— Ну вот, теперь уж дедушка не будет больше возиться с собаками, хватит!

Да и мы сами думали, что нет у него больше духу купить нового щенка, выращивать его, учить дома и в поле.

Нет! Опять у нас подрастает щенок, только не Жулька, а Жалька (Джали), и в доме опять кутерьма: то стянет с гвоздика полотенце и мчит его по коридору, то у соседей кастрюлю опрокинет с молоком, сам испугается, забьётся под диван, лежит и дрожит. И опять у нас соседи ворчат:

— Семьдесят семь лет старику, и всё не унимается, какой-то неуёмный бубен.

Но не из железа же сделан человек! В последнюю эпидемию гриппа дедушка наш захворал. Какое уж там железо! Дедушка непрерывно кашлял, загорелся и слёг в постель.

Вызвали знакомую докторшу, и прилетела к нам, как облако, вся в голубом, молодая блондинка, наша районная докторша — Юлия Павловна.

— Дышите! — приказывает.

Дедушка дышит и кашляет.

— Ещё дышите!

Ещё дышит и кашляет, в груди что-то поёт на всю комнату.

Докторша выслушала дедушку, нахмурилась, покачала головой и говорит:

— Пришло время и вам поболеть!

У дедушки оказалось воспаление в лёгких, на той и на другой стороне.

— Пенициллин! — сказала Юлия Павловна.

И назначила ввести в тело дедушки армию в пять миллионов бойцов, называемых «медицинскими единицами». Что это значило, мы поняли, когда принесли лекарство из аптеки. В коробке было множество пузырьков, и в каждом пузырьке на донышке порошок жёлтого цвета. Было две крышечки на каждом пузырьке: одна, металлическая, легко снималась, другая — резиновая.

Сквозь эту резиновую пробочку протыкали острой иглой дырочку и вводили бесцветную жидкость. Порошок плесени в ней растворялся. Потом жидкость из пузырька выкачивали шприцем, и это была целая армия бойцов в сто тысяч медицинских единиц, готовых войти в тело человека и начать борьбу за его жизнь.

Решено было через каждые три часа круглые сутки вводить по сто тысяч бойцов

и всего ввести на борьбу с болезнью войска пять миллионов.

Нам стало жалко дедушку, и мы спросили:

— Очень больно будет?

Вместо ответа докторша подошла к телефону и долго спорила с кем-то, настаивала на своём, повторяя имена медицинских сестёр — Клавдии Ивановны и Елены Константиновны. Кончив разговор, она ответила нам на вопросы, больно ли будет дедушке или терпимо.

— У нас, — сказала она, — есть медицинская сестра Клавдия Ивановна, и у неё такая лёгкая рука, что сонного уколет — и он слышать не будет. Сейчас она занята и придёт только через сутки, но ждать нам нельзя, сейчас придёт другая сестра — Елена Константиновна, тоже хорошая сестра, строгая, аккуратная, только жалуются больные: колет больно, рука тяжела.

Первый укол сделала сама Юлия Павловна, и так легко, что дедушка во время укола чему-то улыбнулся. И когда Юлия Павловна ушла, он стал ещё больше смеяться и сказал:

— Длинный сарафан!

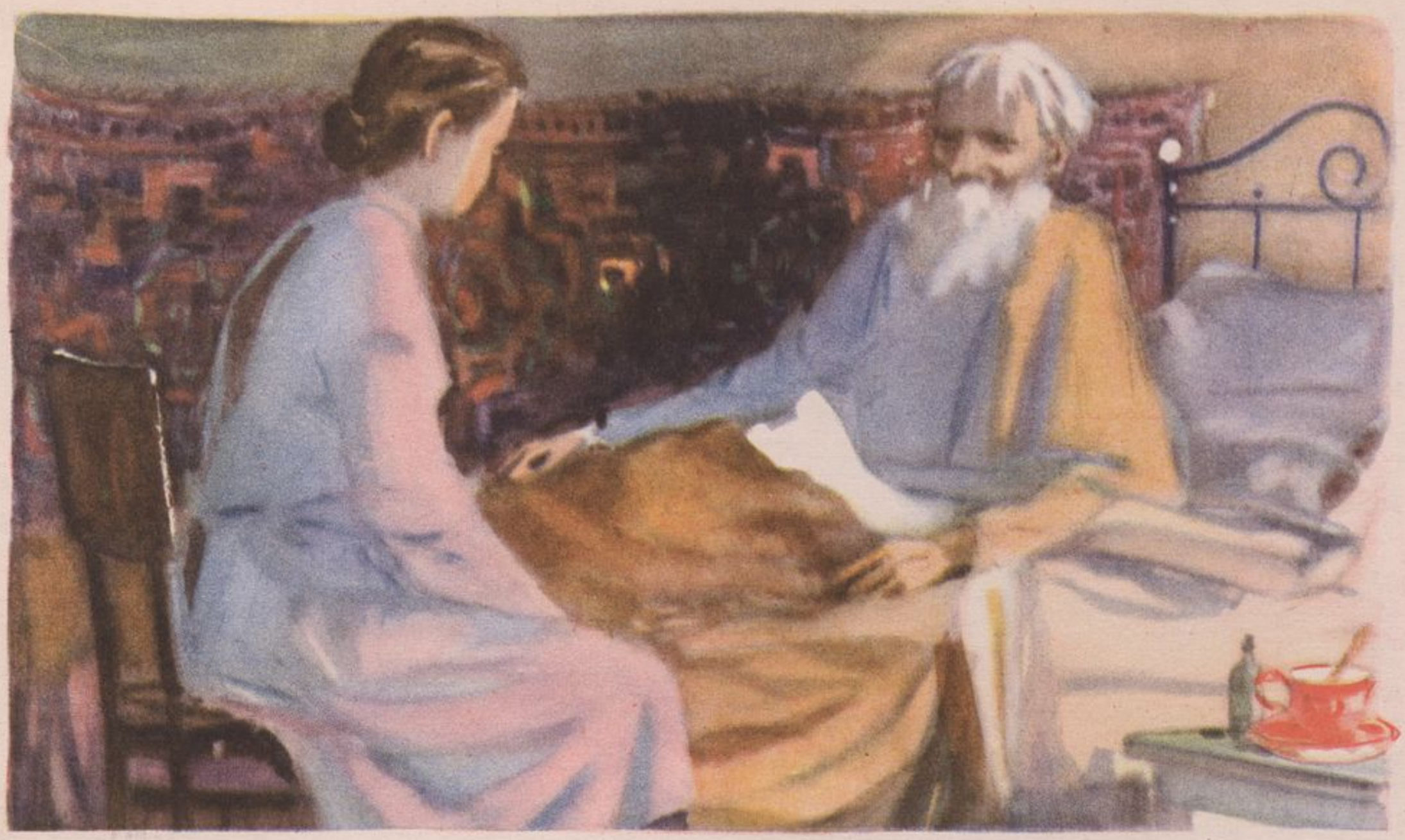
— В чём дело? — спросили мы.

— Волос долог, — ответил он. — Как это вы сами не понимаете? Она доктор, учёная женщина, а держится бабьих глупых басен о тяжёлой и лёгкой руке. Не в лёгкой руке дело и не в тяжёлой, а в уме и мастерстве. Колет больно — значит плохо умеет, колет без боли — значит мастер своего дела.

— Ничего, дедушка, — подсчитав, сказали мы, — потерпите: в сутки Елена Константиновна будет колоть вас всего восемь раз, один раз сделано — остаётся семь, и введёт вам восемьсот тысяч бойцов, а всего надо ввести пять миллионов, и это будет делать Клавдия Ивановна, а у неё рука лёгкая.

— Лёгкая! — засмеялся дедушка добродушно, понимая, что и мы смеёмся над суеверием докторши.

Через три часа после первого укола пришла сестра Елена Константиновна, и сразу же с её приходом у нас как будто всё сошло со своих мест. Не успела в передней сестра снять один свой ботик и приняться за другой, как Жалька схватила первый ботик, высоко подняла его и, помахивая им в разные стороны, помчалась по коридору. Сестра, в одном ботике, помча-



лась за Жалькой, Володя и Миша — за сестрой.

В большой комнате Жалька с ботиком носилась кругом стола, и дети с трудом её поймали. Во всё время этой погони сестра ни разу не улыбнулась, и бледное узкое лицо её покрылось несходящими сердитыми красными пятнами. Она потребовала удаления собаки. Жальку заперли, и она в неволе выла всё время и беспокоила наших соседей. Больше всего обидно было за детей: они же отбили ботик у Жальки, и им же рассерженная сестра в глаза сказала:

— Какие невоспитанные дети!

Через каждые три часа круглые сутки сестра вводила в тело дедушки по сто тысяч бойцов. Во время укола больной закрывал глаза, а по лицу его во время вливания как будто перебегали серые мышки.

Дедушке становилось всё хуже и хуже. Ясные глазки его потускнели, и он редко их открывал.

— До свиданья, будьте здоровы! — сказала ему сестра.

Больной открыл глаза, поглядел и, ничего не сказав, закрыл. Сестра ушла, и те красные пятна на её бледном лице так и не сошли.

Через три часа после ухода первой сестры пришла к нам сестра Клавдия Ивановна. Она была маленькая, и так было чудно: она как будто смеялась глазами, а щёки только помогали немного её глазам улыбаться. Из всех нас эти милые глаза сразу же выбрали Жальку, и в ответ собака прыгнула и чуть-чуть только не поцеловала маленькую сестру в губы.

Когда сестра помыла руки, надела халат, мы все вместе, и, конечно, с Жалькой, вошли к дедушке, и он, увидав Жальку, как будто чуть-чуть улыбнулся и так глядел на Клавдию Ивановну, как будто узнавал её.

Сколько бойцов ввела Клавдия Ивановна, как боролись армии за жизнь человека, всё это записывалось: число вливаний, пульс, температура — всё оставалось на бумажке для доктора.

Сам дедушка нам рассказывал потом, что в какую-то ночь перед каким-то вли-

ванием слышит он, будто Жалька лапой царапнула по двери и открыла её и тихонько вошла. Все в доме спали, и так тихо было, что слышалось ясно больному, как стучали на ходу о пол собачьи коготки. Этот стук прекратился у постели, и дедушке стало так хорошо, так почему-то радостно.

— Дай лапку! — сказал он.

Жалька положила на постель одну лапку.

— Дай другую! — приказал больной.

Жалька положила другую лапку и поднялась.

Тогда представилось дедушке, как это часто во сне представляется охотникам, будто не простые это полянки в лесу, не простые цветы, а заливы цветов, и по ним, по цветистым заливам, в тёплом море, в сиянии, носится его собака, и он идёт, идёт из залива в залив, и конца этому нет, а всё лучше и лучше...

Но это радостное охотничье чувство налетело и прошло. Дедушка понял, что теперь далеко до лета, что он болен, а Жалька носом холодным подняла одеяло и лизнула тело его горячим языком. Теперь собака, по его рассказу, конечно, должна бы прыгнуть на кровать, а это нельзя, и дедушка закричал:

— Убирайся вон!

Очнувшись, он увидел, что это не собака была, а Клавдия Ивановна стоит над ним и смеётся своими глазами.

— Извините меня, Клавдия Ивановна, — сказал дедушка, — мне приснилось, будто это Жалька лезет ко мне на кровать. Пожалуйста, сделайте вливание.

— А я уже сделала! — ответила Клавдия Ивановна.

Так сделала безболезненно, что дедушка совсем ничего не слыхал, никакой сучок даже не уколол его сквозь сон на волшебной охоте в лесу, и самый укол он понял, будто любимая его собака лизнула по телу горячим языком.

Дедушка вдруг чему-то очень обрадовался, пожал руку сестре и сказал:

— Сестрица, дорогая, у вас золотая рука!

Наверно, этот укол и был тот самый, когда враждебная жизни армия капитулировала, и здоровье стало возвращаться к больному. На другой день вернулся к дедушке обычный его интерес к жизни всякого человека, и Клавдия Ивановна подробно рассказывала ему о себе: сколько она зарабатывает в поликлинике, сколько подрабатывает ночными дежурствами и куда и на что идёт её заработок. Оказалось, что муж её убит на войне и у неё на руках теперь мать и мальчик Андрюша, шести лет.

— Шесть только лет, — рассказывала Клавдия Ивановна, — а какой умница, если бы вы только знали!

И привела пример из жизни Андрюши, такой, что каждый день непременно, когда она возвращается со службы, он задаёт вопрос, кем ему лучше сделаться, чтобы потом помогать маме и бабушке.

— Доктором, конечно! — сказал дедушка.

— А это он сам знает, и сам каждый день называет что-нибудь новое: доктором — было, рабочим — было, инженером, и чего, чего! А в последний раз, знаете, что сказал?

— Наверно, лётчиком? — спросил дедушка.

— Лётчиком, это уже много раз, — нет! «Хочу, — говорит, — сделаться а д м и н и с т р а т о р о м!»

— Адмиралом, наверно? — спросил дедушка.

— Нет, — отвечает сестра, — администратором.

Дедушка весело засмеялся над этим администратором, а когда сестра закончила своё дежурство, нашёл какую-то книгу с картинками и надписал на ней:

«Милый Андрюша! Не думай много о том, кем тебе быть. Будешь доктором, будешь рабочим, инженером, лётчиком, администратором — на всяком месте помни о маме, работай, как она, и везде будет тебе хорошо, везде будут говорить: у Андрюши, как у мамы его, золотая рука».

Рис. Ю. КОРОВИНА

КЛАД ЯНВАРЯ

Н. ПАВЛОВА

1

На краю деревни возле старой бани выросло много травы и появились цветы: ромашка, мокрица, одуванчик и анютины глазки. С тех пор как построили новую баню, в этот уголок никто не ходил. Все тропинки заросли и исчезли. И сохранилась только одна невидимая волшебная тропинка, по которой приходили в деревню месяцы.

Цветам в этом забытом уголке жилось очень хорошо. Выше всех над травою поднялась ромашка. У неё было много красивых цветов. Середина у них была жёлтая, пуговкой, а края белые, все из узких лепестков. Издали эти цветы походили на жёлтые глаза. И соседние травки и цветы спрашивали ромашку:

— А ну-ка, глазастая, погляди, не летят ли к нам в гости бабочки и мухи?

А ромашка сразу отвечала:

— Летят, летят! Только не знаю, к нам или не к нам.

Мокрица была совсем не похожа на ромашку. Цветочки у неё были маленькие белые звёздочки, еле видные среди множества зелёных сочных листиков. Но сколько у неё было стебельков и как ловко они пробирались по земле ползком! Потихонечку, незаметно, а ползут и ползут в разные стороны. Заметят щёлочку между травинками, подползут и пролезут в неё. Увидят, что листик разлёгся на земле, подползут и перелезут через него.

Поэтому мокрица расстелилась по земле ковриком.

— Какая же ты жадная, — упрекал её одуванчик, — хочешь весь огород занять. Это только туча так делает: ползёт, ползёт да и закроет собою всё небо.

Сам одуванчик никуда не ползал. Листья у него росли пучком, а в середине между ними красовались цветы. Они были очень хороши: яркие, жёлтые, пушистые, лучистые.

Одуванчик был самым старшим из цветов. Он уже цвёл в мае, когда ни ромашки, ни мокрицы, ни анютиных глазок ещё не было на свете: они появились в конце лета.

Моложе всех был кустик анютиных глазок. А цветочки у него были просто удивительные — разноцветные. У каждого цветочка кверху торчали, как уши, два фиолетовых лепестка, книзу свешивался, как нагрудник, жёлто-белый лепесток, а по бокам раскинулись два белых с лиловыми краями.

2

На верхушке ствола кривой ивы было три обрубка с торчащими во все стороны прутьями. Поэтому её прозвали Тройняшкой. Она стояла, наклонясь, и как будто старалась разглядеть в траве невидимую тропинку. Эта волшебная тропинка была как раз там: между ивой и старой баней.

И там проходили месяцы один за другим. Весною и летом они появлялись с юга из-за холмов. А осенью и зимой приходили с севера из тёмного леса.

Цветы, которые росли на огороде, никогда не знали, в какой день им покажется новый месяц. Но зато это знала одна молодая ворона. Она всегда прилетала первого числа каждого месяца на Тройняшку. Усаживалась на самый верхний обрубок и там дожидалась, когда месяц подойдёт к иве.

Так поджидала она и Ноябрь. Шёл дождь. Ива Тройняшка уже давно растеряла листья и стояла с голыми прутьями. Ворона мокла под дождём, но улетать не собиралась.

Ждала, ждала и вот, наконец, увидела, что к иве напрямик через поле идёт высокий длинноногий мальчишка.

«Он», — решила ворона.

Ноябрь был в коричневой рубашке, без пояса. В мастерской, где шили одежду месяцам, наверно сделали и пояс, но Ноябрь его потерял. Брюки у Ноября были до колен, ноги босые, шапки на голове не было. Прядь бурых волос свешивалась сосулькой на лоб, и с неё прямо на нос стекала дождевая вода.

Заложив руки в карманы, Ноябрь насвистывал скучную песенку. Даже сам дождь не мог бы придумать песни скучнее этой.

Ноябрь шёл, а следов за ним не оставалось. Кустики травы, на которые он наступал, проходили сквозь его подошвы, как сквозь туман. Поэтому-то волшебная тропинка и была невидима. Тело Ноября и всех его братьев-месяцев было как будто из пара. Их никак нельзя было спутать с деревенскими ребятами.

Молодая ворона нетерпеливо ждала, когда Ноябрь подойдёт к иве Тройняшке, и, как только он поравнялся с нею, стала дразниться:

Ноябрь, Ноябрь!
Сам без шапки,
Лес без листьев!

Ноябрь стал искать на огороде камень, чтобы бросить в ворону, но тут он вдруг заметил цветы.

Цветы ромашки растрепались под дождём, и белые их лепестки слиплись. Разноцветные цветочки анютиных глазок, спасаясь от дождя, склонились вниз. И были видны только их спинки с короткими смешными хвостиками. У одуванчика цветы были плотно закрыты: он закупорил их от дождя в зелёные бочоночки. Цветочков мокрицы сквозь дождь не было видно. Но

она была весела и красива: яркозелёная и блестящая. Она очень любила купаться под дождём.

А дождь мешал Ноябрю рассматривать цветы.

Он вынул из кармана трубу, откинул назад голову и дунул прямо в небо. На сером небе протаяло голубое пятно. Оно стало расти и расти — и вот показалось солнце.

Ноябрь сел на землю и стал дожидаться, когда цветы оправятся от дождя.

Вот понемногу и раскрылись жёлтые, пушистые, лучистые цветы одуванчика и улыбнулись Ноябрю. Подсохли и расклеились лепестки у ромашки, и она уставилась на новый месяц своими жёлтыми глазами. Подняли головки разноцветные цветочки анютиных глазок и удивлённо повернулись к Ноябрю. И среди яркой зелени мокрицы стали появляться белые звёздочки — цветы.

— А я ведь до сих пор не знал, что у меня тоже есть цветы, — сказал Ноябрь.

Одуванчик сказал:

— Я цвёл нынче весною, и Май меня похвалил. А ты видишь, как я цвету второй раз. Так ли я цвету, как надо? Скажи.

Мокрица Ноябрю не сказала ни слова. Она давно заметила, что на левой ноге Ноября большой палец отодвинулся от остальных. Заметила это и шепнула самому близкому к этой ноге стебельку, чтобы он не зевал и торопился пролезть в ворота между пальцами.

А кустик анютиных глазок смотрел на Ноябрь широко раскрытыми цветочками.

Ноябрь улыбнулся, и вдруг стало тепло, как летом. В деревне зачирикали воробьи.

— Вот как славно, что у меня есть цветы, — сказал Ноябрь вставая. — Братишки-месяцы вечно хвастаются — кто цветами, а кто просто снегом. А я до сих пор ничем не похвастался. Потому что нельзя же хвастаться грязью и дождём. А теперь и я похвастаюсь, цветы-цветочки!

И он ушёл, насвистывая песенку, очень похожую на воробьиную.

Только что он ушёл, на ветку ивы Тройняшки опустилась ворона. Она была такая взлохмаченная и усталая, как будто прилетела из тридесятого царства.

— Приласкал вас Ноябрь, приласкал? — насмешливо спросила она у цветов. — А скоро убьёт. Морозом убьёт, снегом засыплет. Пропадёте, сгинете! Зима придёт, зима! Кар! Карр!

3

Декабрь пришёл под иву Тройняшку в синем лыжном костюме. Но он сейчас же стал переодеваться. Скинул вязаную шапочку и вынул из заплечного мешка серую курточку.

Ветер трепал его русые кудри. И они то падали на лоб, то взвивались вверх, то дружно откидывались все на одну сторону головы. И казалось, что лицо у мальчика всё время меняется.

Декабрь, Декабрь!
Сегодня стужа,
Завтра лужи! —

закричала ворона с верхушки ивы. Но Декабрь даже не поднял головы. Он держал курточку и старался приморозить на место оторвавшуюся пуговицу.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Переодевшись, Декабрь сразу убежал и стал распоряжаться небом.

Сперва посыпались снежные крупинки, потом потеплело, и повалил мокрый снег. Вечером простояла хорошая погода, а всю ночь шёл дождь.

На следующее утро Декабрь оделся в серебряную курточку из рыбьей чешуи, спустился к речке и долго бродил по воде, пугая рыб. В полдень он заморозил речку и стал кататься на коньках.

В конце недели пошёл снег, да так и продолжал итти, итти, итти каждый день с утра до вечера.

Декабрь забыл про небо, он забавлялся на реке.

Цветы мокли, мёрзли... Потом их засыпало снегом.

— Кар! — крикнула ворона, пролетая над ровной снежной полянкой. — Что я говорила? Пропали цветочки! Зима пришла! Зима не для них! Карр!

4

Никогда ещё не было в декабре столько снега! Вдоль дороги выросли высоченные сугробы. Ива Тройняшка стала совсем коротышкой: её кривой ствол до половины занесло снегом. Но зато на всех трёх обрубочках появились круглые шапочки.

Первого января на Тройняшку прилетела ворона. И сразу же заметила вдалеке, у леса, тёмное пятнышко. Оно всё росло и росло. И скоро стало видно, что это мальчик.

Он шёл по пушистому снегу легко и быстро, как по утоптанной тропинке.

Ворона поняла, что она не ошиблась: это шёл Январь. Одет он был в белый меховой тулупчик и шапку-ушанку, которая съехала на затылок. Лицо у него было круглое, щёки румяные, глаза синие, весёлые.

Ворона попыталась спрятаться от его насмешливого взгляда, но Январь её уже заметил.

— А, глупая головушка! — сказал он вороне. — Ну, что же ты нынче придумаешь? У меня-то ведь сейчас всё отлично: снега выше моего роста!

Ворона спряталась за самый толстый обрубок, высунула голову и крикнула:

Январь, Январь!
Морозен, бел,
Все краски съел!

— Приду-умала! — сказал Январь, вытянув нижнюю губу. — Ну и что же, что бел? Белый цвет — самый чистый. И какие я краски съел? Ёлочки стоят — зелёные, лисицы бегают — рыжие, снегири летают — красногрудые.

— Земля бела, земля бела, — закричала ворона, — нету травки, нет цветов!

— Цветов нет? — удивился Январь. — Ишь, чего захотела! Да разве цветам сейчас время? Братишка Ноябрь, и тот видел их нынче впервые.

Тут Январь что-то вспомнил и пробормотал:

— Посмотрю, где они росли и что них осталось!

Он растянулся на снегу на животе, зажмурил глаза и стал дуть.

Снег полетел во все стороны. А яма выдулась до самой земли. Январь заглянул в неё — да так и ахнул! На дне ямы было зелено. Все цветы, о которых рассказывал братишка Ноябрь, были там, были живы! Январь узнал их всех сразу.

Вот распласталась на земле мокрица. Как зелены и свежи её стебельки и листочки! Вот одуванчик. Его вырезные листья лежат на земле вокруг кучки зелёных бочоночков! В них, конечно, спрятаны цветы. У кустика ромашки — на веточках какие-то шишечки, тоже, наверно, закрытые цветы. Но всего удивительнее — кустик анютиных глазок. Их разноцветные цветочки широко раскрыты. У каждого цветочка кверху торчат, как уши, два фиолетовых лепестка, книзу свешивается нагрудником жёлто-белый, а по бокам развернулась пара белых с лиловыми краями.

Январь улыбнулся, тихо опустил свою руку ладонью вверх на кустик анютиных глазок. Он прошёл сквозь его воздушное тело и очутился на ладони. Январь долго любовался цветами. Потом он задул яму снегом.

— Здесь лежит мой клад! — сказал он уходя. — Настоящий клад. Оказывается, не все цветы появляются на свет весною, но никто этого не знает. Никто не знает, что я, Январь, берегу готовенькие цветы для Мая!

Тут Январь вспомнил о вороне, хотел её подразнить цветами, но ворона уже улетела.

ЗАБОТЛИВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

ИМРОМИ ИСАКОВ

У Рашида, у мальчонки,
Есть приятель — пёс Кулай.

Знают все о собачонке,
Слышен всюду звонкий лай.

Всем видна среди двора
Пса Кулая конура.
А на крыше конуры
Видит каждый две дыры.

Если дождик, — так и знай, —
Сразу вымокнет Кулай.
Если ветер во дворе,
Значит, ветер в конуре...

Управдом домой спешит,
Говорит ему Рашид:
— Пёс мой мокнет на ветру,
Почините конуру!

Рассердился управдом:
— Дел других, мол, не найдём!
Под ногами не кружись!
Проходи-ка! Отвяжись!

У мальчонки, у Рашида,
Есть сестрёнка — Аминат.
— Ты с отцом, — она решила, —
Посоветуйся, мой брат!

На завод отец спешит,
Говорит ему Рашид:
— Дай мне, папа, поскорей
Ящик твой из-под гвоздей! —
А отец ему в ответ:
— Для чего, мол? Не секрет?

— Не секрет! Я дом Кулаю
Ремонтировать желаю!
Управдому я сказал,
Он в ремонте отказал.

— Что ж,— сказал отец с усмешкой,—
Начинай ремонт, не мешкай.

И Рашид принёс свой ящик,
Инструменты подобрал
И, как плотник настоящий,
Мигом ящик разобрал.

К крыше будки, что есть сил,
Доски он приколотил.

Аминат стояла возле,
Подавала брату гвозди.

А теперь она метёт —
Выметает щепки.
— Что, Рашид, хорош ремонт?
Стал домишко крепким?

Но своей сестре в ответ
Говорит парнишка:
— Надо будет в синий цвет
Выкрасить домишко!

Ты согласен, друг мой пёс? —
Он спросил Кулая.
«Да!» — приятель произнёс,
Хвостиком виляя.

«Да! — сказал он по-собачьи. —
Синей краской! Не иначе!»

Перевела с татского Елизавета Тараховская

ЁЛКА В ПУСТЫНЕ

АННА КОВУСОВ

Оставались в декабре
Два листка в календаре.

И уже по всей пустыне,
На её барханах злых,
Лёг седой морозный иней,
Словно пена волн морских.

И ребятам в первом классе
Возле озера Ясхан
Говорил печально Вася,
Семилетний мальчуган:

— Вместе с папой, —
он геолог, —
Из Москвы приехал я.
Там сегодня столько ёлок,
Даже сосчитать нельзя.

В каждом доме, в каждой школе
Наряжают их сейчас... —
И, вздохнув,
сказала Оля:
— А в Архангельске у нас

Ёлка голубого цвета
Прямо во дворе растёт.
Я любила ёлку эту
Наряжать под Новый год.

И стоит она бывало
И нарядна и стройна...
— Не грустите, —
им сказала
Чернокосая Айна. —

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Встретим весело мы с вами
И в пустыне Новый год... —
В этот миг под небесами
Показался самолёт.

Сделав круг над лётным полем,
Быстро стал снижаться он.
Только сел —
и сразу в школе
Затрезвонил телефон.

В трубке голос незнакомый:
— Говорят с аэродрома.

Приезжайте.
Тут сейчас
Прибыл срочный груз для вас.

Что за груз? Ответьте толком!
— Предназначен для ребят:
Из Москвы прислал им ёлку
Юных ленинцев отряд.

Эту ёлку в школьном зале
Целый вечер наряжали.
На её ветвях зелёных
Будто бы созрели вдруг
Мандарины и лимоны,
Абрикосы и урюк.

Ёлка убрана богато.
— Здравствуй, добрый Новый
год! —
Взялись за руки ребята,
Закружился хоровод.

Перевёл с туркменского
Я. Козловский

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

ПИЛЯ

Было ясное декабрьское утро, но снега нигде не было видно. Кругом влажно темнела омытая дождями земля, и на голых ветках кустов весело сверкали последние дождевые капли. Всё было совсем как в апреле месяце где-нибудь у нас в Подмосковье. Но это была не весна, а самый разгар зимы на южном берегу Каспийского моря.

Я вышел на берег.

Накануне я сговорился с рыбаками поехать с ними поглядеть, как будут выбирать рыбу из ставных неводов. Бригада была уже на берегу и собиралась в путь.

Я поздоровался, сел в кулас[1], и мы отплыли от берега. По дороге я с интересом осматривал стоящие в море невода. Это целые сооружения. Они тянутся от самого берега и уходят в море на полтора-два километра, а иногда и больше.

Море в этих местах очень мелководное. И вот прямо от берега вглубь идёт крыло невода — натянутая на верёвку и привязанная к вбитым в дно кольям сетка. Метров через сто она прерывается, и в этих местах стоят «котлы», то-есть открытые сверху рыболовные ловушки из такой же сетки, с узкой горловиной.

Стая различной рыбы, плавая в мелководье, невдалеке от берега, натыкается на крыло невода, отыскивая проход. Она плывёт вдоль него и заплывает в один из котлов. А оттуда рыбаки вычерпывают попавшуюся добычу сачками — зуюзгами.

Когда мы подплывали к первому котлу, я увидел, что на верхнем краю самого котла сидит множество чёрных птиц. Это были бакланы.

— У-у, проклятые, всю рыбу небось пожрали! — с досадой сказал пожилой рыбак, бригадир артели.

Оказывается, бакланы, вместо того чтобы охотиться за рыбой в море, приспособились таскать её прямо из котла.

— Да ведь мало того, что пожрут ту, которая уже попалась, — продолжал тот же рыбак, — ещё и разгонят, какая только к котлу подходит. Ведь то один, то другой в котел ныряют. Такой шум поднимут, что рыба и близко не подходит.

Как только мы немного приблизились к котлу, все сидевшие на нём бакланы слетели и пересели на другие, дальние котлы.

— Тьфу ты пропасть! — даже сплюнул от злости рыбак.

Выбрав из одного котла улов, мы поплыли к следующей ловушке.

— А вон и ещё помощнички летят, — сказал бригадир, указывая на море. — Пеликаны. Большая от них нам помеха: рыбу распугивают, от сетей отгоняют.

[1] Кулас — морская рыболовецкая лодка.

— А зато сами-то ловят как интересно, — вмешался один молодой рыбак. — У них, знаете, вроде своей «птичьей артели» имеется, — засмеялся он. — Прилетят на мелкое место, рассядутся полукругом да как начнут крыльями по воде хлопать — рыбу пугать, а сами плывут туда, где ещё помельче, к берегу или к косе: загонят рыбу на отмель, там у них самая ловля и начинается. Видели, какие мешки у них под клювом висят? Пеликан в этот мешок, будто в сачок, рыбу подхватывает.

— Такие вредные, просто беда! — опять заворчал бригадир.

— Нет, ты пеликанов особо не хай, — улыбаясь, возразил молодой рыбак. — Поговори-ка с Никитичем — что он тебе на это скажет!

— Что за Никитич? Почему при нём пеликанов ругать нельзя? — заинтересовался я.

— А вот приплывём на берег, — отвечал, всё так же улыбаясь, молодой рыбак, — к Никитичу сами сходи́те и полюбопытствуйте. Он на краю деревни живёт, второй дом от самого края.

Когда мы вернулись на берег, я сейчас же отправился по указанному адресу к Никитичу. Сам хозяин — уже древний старик, весь белый, словно из сказки о рыбаке и рыбке, — сидел возле своей хижины. Я подошёл и поздоровался.

— Здравствуй, милый человек! Откуда, зачем пожаловал? — приветствовал меня старичок.

Я сел рядом с ним и рассказал о том, что про него говорили рыбаки.

— Всё смеются надо мною, над старым.

— Да почему они, дедушка, над тобой смеются? Над чем — никак не пойму.

— А над тем смеются, что я себе помощничка по рыбной части завёл.

— Какого помощника?

— А вот подь за мной во двор, погляди. Вон он, голубчик, гуляет. — Старик отворил калитку, и я вслед за ним вошёл во двор. Там разгуливали два гуся, петух с курами, и среди них важно расхаживал огромный розовый пеликан.

— Это и есть мой дружок. Пилей его ребята прозвали, — засмеялся старичок.— Пиля, Пиля, иди-ка, голубчик, сюда!

Пеликан повернул к старику свою носатую голову, повернулся сам и, не торопясь, вперевалку, зашагал к хозяину.

— Умница моя, всё понимает, только сказать не умеет. Ну что ж, рыбку сегодня половим?

Пеликан переступил с лапы на лапу и, неожиданно открыв свой огромный клюв, будто рявкнул.

— Это он показывает, что рыбы хочет, — пояснил старик.

Я попросил разрешения тоже поехать на рыбную ловлю.

Никитич взял с собой только пустой мешок и ведро мелкой рыбы.

— Чем же ты будешь рыбу ловить? — спросил я.

— А вот мой помощник. Он уж сумеет, моё дело — только подбирай да в мешок клади.—Слегка похлопывая пеликана хворостиной, Никитич погнал его к берегу моря. Собственно, гнать его и не приходилось, так как пеликан сам торопился к воде.

Тут я заметил, что правое крыло у пеликана как-то странно и неплотно прилегает к боку. Я спросил об этом у Никитича.

— Сломано у него крыло, неладно срослось, вот он летать и не может, — ответил мне старик.

— Когда ж он его сломал?

— Тому уж три года будет. Поплыл я как-то раз с ребятами на куласе из невода рыбу вынимать. Подплываем к первому котлу, глядь, — а в нём пеликан плавает. Что за диво? Бакланы — те завсегда к нам в котлы наведываются, а чтобы пеликан залетел — это уж диво-дивное. Да ему из котла назад и не вылететь: ведь ему, батюшке, разогнаться нужно, прежде чем с воды взлететь. А котёл для него мал, разгону в нём никакого нет. Уж мы рядом, а он, бедняга, мечется по кот-

лу, только крыльями по воде хлопает, а взлететь не может. Митька с нами был, рыбак, такой озорник, размахнулся веслом да как хватит его по крылу, так враз и переломил. Я его за руку схватил. «Что ты, — кричу, — озорник, делаешь?» Добивать пеликана, конечно, не дал, а вытащил его из котла и связал старой рядиной, чтобы не бился; так домой и привёз. Сперва он всё дичился и еду никак брать не хотел. Неделю целую так куражился, а потом, знать, одумался. Гляжу, и крыло понемногу подживать начало. Стал он хорошо рыбу кушать. Потом он за мною повадился в море плавать: я на лодке, а он, значит, так, сам по себе, плавает да рыбку полавливает. В ту пору приезжал к нам в посёлок из города один научник, по рыбной части он большой спец был. Ну вот, увидел он у меня пеликана да и рассказал одну презанятную историю: в Японии, говорит, ручных бакланов держат, рыбу с ними ловят, а чтобы баклан рыбу проглотить не смог, на шею ему ошейничек надевают. Прослушал я эту историю да и думаю себе: «Дай-ка и я своему приятелю ошейник сошью и надену». Так и сделал. Сперва он очень недоволен был, всё головой тряс, хотел ошейник скинуть, а потом попривык. Вот я с ним как-то на море и выехал, испытание устроил. С тех пор дело у нас на лад и пошло.

Слушая рассказ старика, я не заметил, как подошёл к берегу. Мы уселись в лёгкий ботик, старичок взял шест, оттолкнулся от берега, и мы поплыли по мелководью. Пеликан тоже сошёл в воду и, быстро обогнав нас, легко поплыл впереди. Здесь, на воле, он уже не казался таким огромным и неуклюжим. Легко, без всяких усилий, плыл он впереди лодки, зорко осматриваясь по сторонам. Вдруг пеликан рванулся вперёд. Он сильно захлопал по воде крыльями и, быстро опустив голову, поддел из воды крупную рыбу. Старичок тут же подплыл к пеликану, без всякой церемонии раздвинул рукою клюв, залез в пеликанью пасть и вытащил оттуда порядочную рыбину. Затем достал из ведёрка горсть мелкой рыбы и всыпал её в клюв пеликану. Такую рыбёшку пеликан без труда проглотил, затряс от удовольствия головой, и мы продолжали эту необыкновенную охоту.

— Вот так мы с Пилей, с дружком моим, рыбку-то и полавливаем, — сказал на прощанье мне старичок. — А ребята надо мной посмеиваются: Никитич, мол, наш с пеликаном на пару рыбачит; скоро, видать, в пеликанью артель запишется. Да что ж, пускай смеются, — добавил он: — мне от этого убытка нет, а рыбка-то прибавляется.

У ДОКТОРА АЙБОЛИТА

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

1

Злая-злая, ядовитая змея
Молодого укусила воробья.
(Больно воробышку, больно!)

Захотел он улететь, да не мог,
И заплакал и упал на песок.
(Больно воробышку, больно!)

Вдруг лягушка выбегает из ворот,
Прямо к бедному воробышку идёт.
(Больно воробышку, больно!)

«Что с тобою?» Поглядела на него
И как сына пожалела своего.
(Жалко воробышка, жалко!)

За крыло она воробышка взяла
И больного по болоту повела.
(Жалко воробышка, жалко!)

Из окошка высунулся ёж:
«Ты куда его, зелёная, ведёшь?»
(«К доктору, к доброму доктору!»)

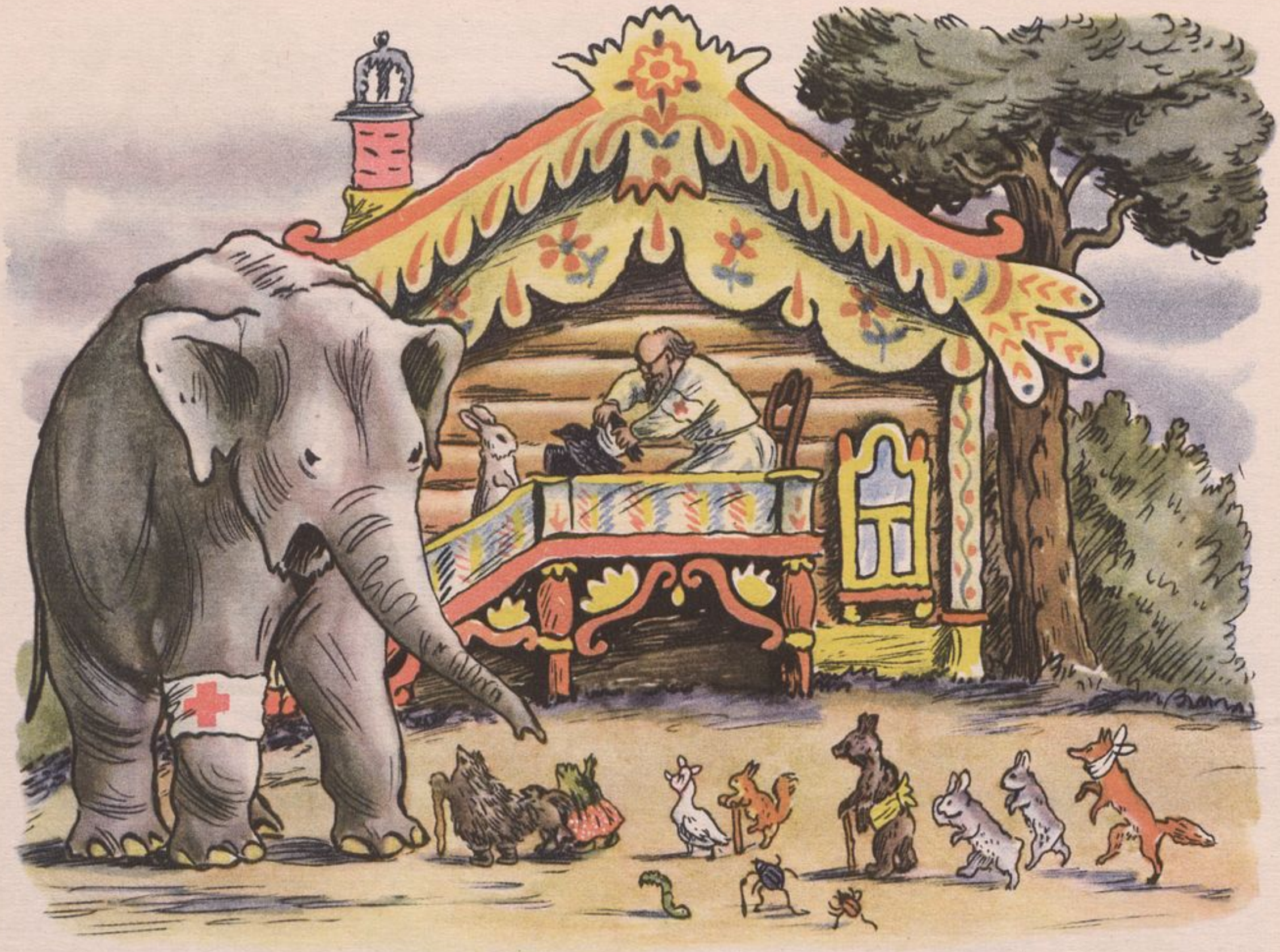
«Подожди меня, старуха, под кустом,
Мы вдвоём его скорее доведём!»
(«К доктору, к доброму доктору!»)

2

Но такая кругом темнота,
Что не видно в лесу ни куста.

И они заблудились в пути.
И не знают, куда им итти.

Только вдруг прибежал светлячок.
Он чудесный фонарик зажёг:
«Идите за мною, друзья,
Мне вашего жаль воробья!»

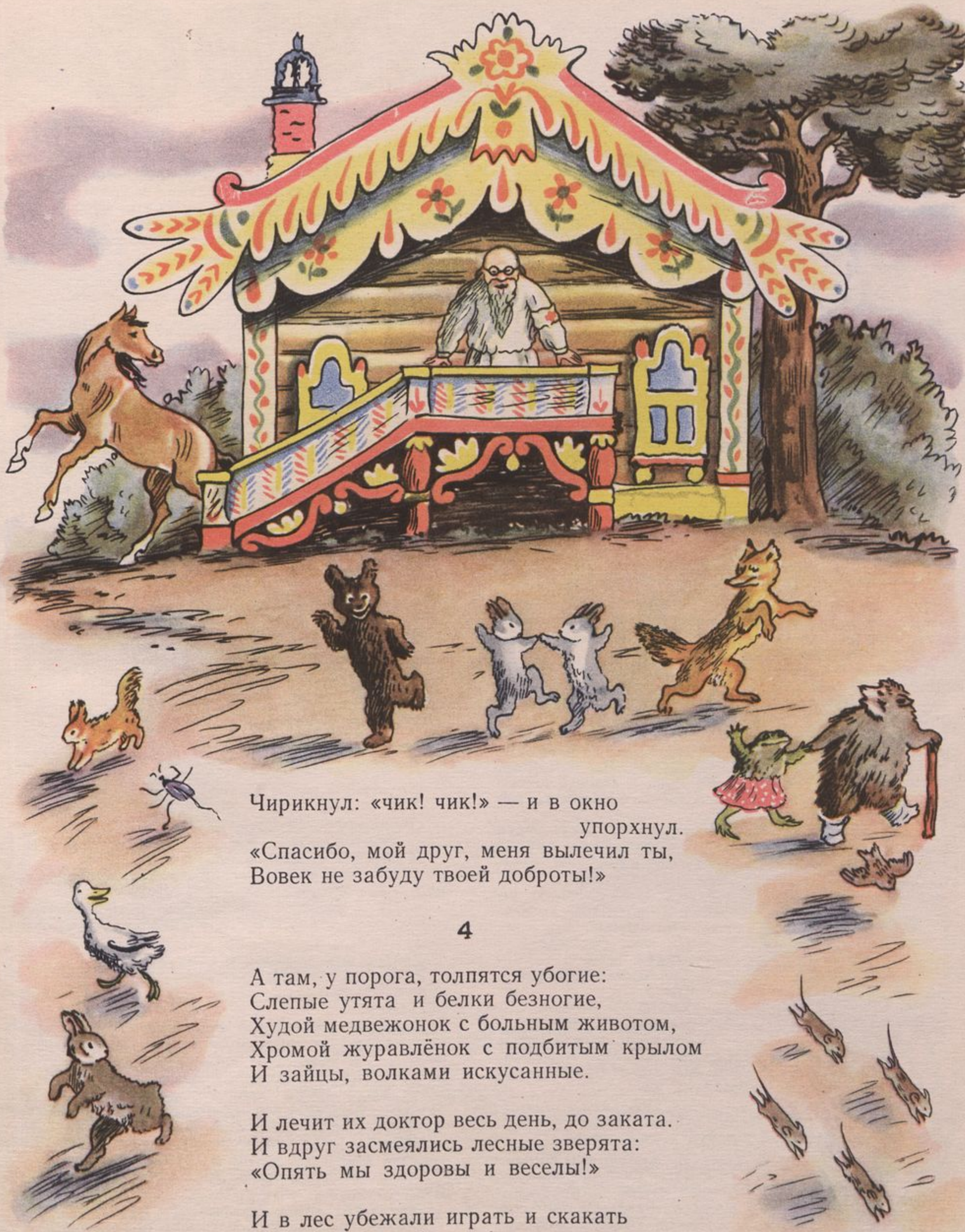


И они побежали бегом
За голубым огоньком,
И видят: вдали под сосной
Домик стоит расписной,
И там на балконе сидит
Добрый седой Айболит!
Он галке крыло перевязывает
И кролику сказки рассказывает.

3

У входа встречает их ласковый слон
И к доктору тихо ведёт на балкон.
Но плачет и стонет больной воробей.
Он с каждой минутой слабей и слабей:
Пришла к нему смерть воробьиная.

И на руки доктор больного берёт
И лечит больного всю ночь напролёт,
И лечит, и лечит всю ночь до утра,
И вот поглядите! — ура! ура! —
Больной встрепенулся, крылом шевельнул,



Чирикнул: «чик! чик!» — и в окно
упорхнул.
«Спасибо, мой друг, меня вылечил ты,
Вовек не забуду твоей доброты!»

4

А там, у порога, толпятся убогие:
Слепые утята и белки безногие,
Худой медвежонок с больным животом,
Хромой журавлёнок с подбитым крылом
И зайцы, волками искусанные.

И лечит их доктор весь день, до заката.
И вдруг засмеялись лесные зверята:
«Опять мы здоровы и веселы!»

И в лес убежали играть и скакать
И даже «спасибо» забыли сказать,
Забыли сказать «до свиданья»!

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

ПЁСТРЫЕ

КАК РАБОТНИК ХОЗЯИНА УЧИЛ

Французская народная сказка

Жил на свете богатый и скупой крестьянин. С каждым годом хозяйство его росло, и, наконец, стало ему не под силу справляться с делом одному. Вот он и нанял себе работника.

В первый же день на рассвете разбудил хозяин работника и говорит:

— Вставай, парень, в поле пора!

Взяли они по паре волов и пошли.

До самого полудня работали оба, не разгибая спины. И вот пришёл час обеда. Хозяин говорит:

— В каждом доме свой обычай. Я, например, когда работаю, не ем и не пью, а только делаю вид, что обедаю. И скорее и легче. Смотри на меня и учись.

Достал он нож и давай водить по воздуху, будто режет хлеб, потом прикинулся, будто кладёт на хлеб сыр, разливает по стаканам вино, ест, пьёт, стряхивает с колен крошки.

А работник смотрит на него и делает всё точь-в-точь, как хозяин.

— Ну что, пообедал? — спрашивает хозяин.

— Будто бы пообедал.

— Сыт?

— Будто бы сыт.

— Ну, так за работу!

Принялись оба пахать, и видит хозяин, что работник всё одну борозду пашет.

— Ты что это, парень, на одном месте топчешься?

— А я всё по вашему обычаю делаю, хозяин: сперва будто бы пообедал, а теперь будто бы работаю.

Понял хозяин, что так дело не пойдёт.

Посылает он на другой день работника на виноградник и даёт ему с собой в корзинке чёрствую ячменную лепёшку и бутылку прокисшего вина.

Поработал парень до полудня и уселся под старой, полузасохшей яблоней обедать. Чуть зубы не поломал о чёрствую лепёшку, чуть не подавился кислым вином. Утёр он губы и говорит:

— Яблоня, яблоня, отчего ты засохла?

И сам же отвечает:

— Не поил меня хозяин вволю, не подкармливал, — вот я и засохла.

— Ну и меня он худо кормит и поит, — сказал работник и улёгся под деревом спать.

Воротился он вечером домой. Хозяин спрашивает:

— Много ли наработал?

— До старой яблони дошёл.

— Маловато. Ну, да авось завтра наверстаешь.

На другой день приходит работник к старой яблоне и сразу же заглядывает в корзинку: чем-то на этот раз попотчует его хозяин? Видит: лежит в корзинке такая же лепёшка, как вчера, только почернее. То же вино, только помутнее.

Спрашивает он яблоню:

— Яблоня, яблоня, отчего на тебе цвету нету?

И сам же отвечает:

— Не поил меня хозяин вволю, не подкармливал, — вот и цвету нету.

— Ну и меня он худо кормит и поит, — говорит парень.—Не стану я на него работать. Лучше спать лягу.

Улёгся под деревом и заснул.

А хозяин как раз в это время за оградой стоял: пришёл посмотреть, много ли земли вскопано-перекопано.

Услышал он, как его работник с яблоней разговаривает, взял потихоньку корзину и пошёл домой.

— Слушай-ка,—говорит он своей хозяйке: — положи сюда хлеба свежего, сыру, вина из бочки нацеди да отнеси всё на виноградник. А работника не буди. Проснётся — сам увидит.

Отнесла хозяйка корзину. А вечером возвращается работник домой и говорит:

— Ну, дело сделано. Весь виноградник перекопал.

Так с тех пор и пошло.

Научил парень хозяина кормить своих работников не как будто, а взаправду.

Пересказала Т. Габбе

Страницы

АПЕЛЬСИН

МАРО АБРАМЯН

— О-о! Апельсин!—воскликнул отец, открывая шкаф.—Давай пополам, а?

— Ну, да-вай!.. — еле согласился Костя.

— Почему ты это? Тебе не хочется, что ли?

— Хочется-то, хочется... Но...

— А чего же? Тогда съедим, и всё.

И они — отец и сын — с большим удовольствием съели апельсин.

— Вот и съели, — сказал Костя. — А теперь, папочка, давай со мной вместе стоять в углу.

— Как? — удивился отец.

— Да так. Мама велела его не трогать, пока она не придёт и сама не даст, — ответил Костя и, взяв отца за руку, пошёл в угол.

ХАЛИДА

БАРИ РАХМАТ

Пальчики загибает Халида.
— Один... два... десять... —
считает Халида.
И вдруг замолкает Халида:
Видно, что дальше не знает
Халида.
А мама просит: — Продолжай,
Халида!
Считай, моя девочка, считай, Халида!
— Как же считать?—отвечает Халида.—
Нет больше пальчиков,—объясняет Халида.

Перевёл с татарского Г. Абрамов

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ ЗАГАДКИ

1. Что летом и зимой в рубахе ходит?

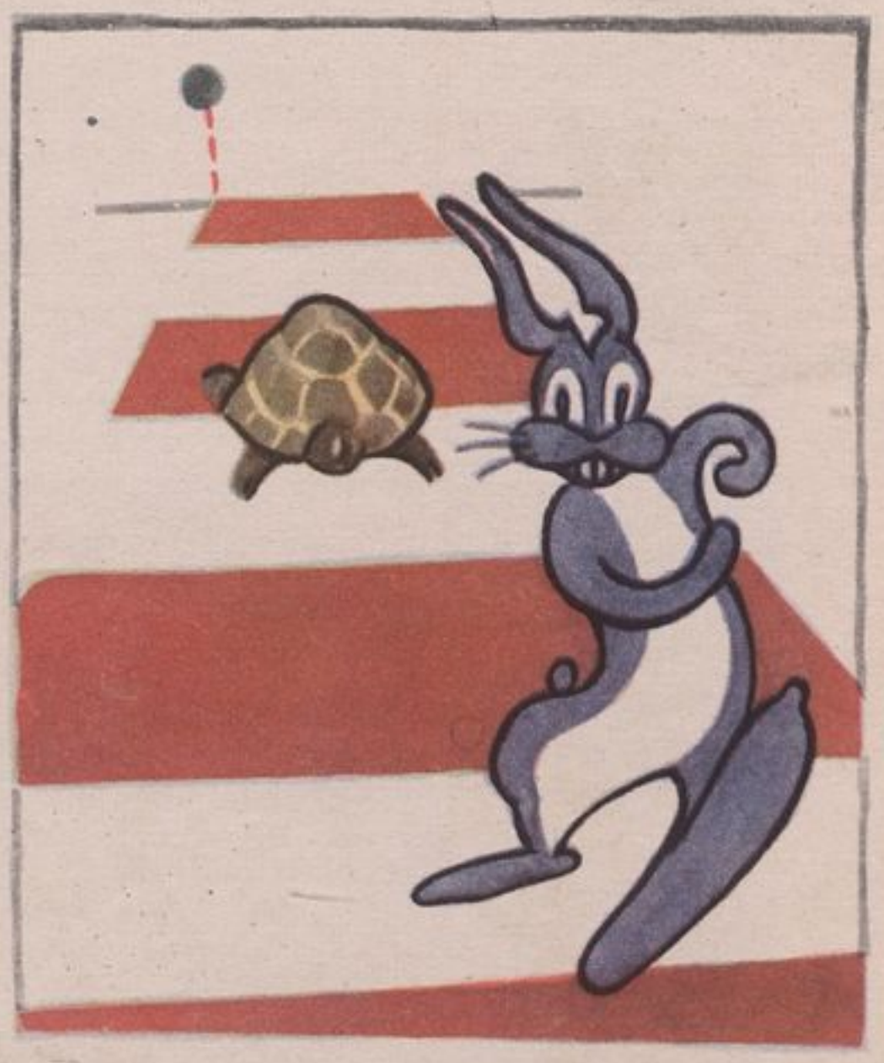
Ёлка

2. После семи лет что козе будет?

Седьмой годочек.

3. Летела стая гусей, одного убили. Сколько осталось?

Один



Что это за картинка?

Это не картинка, а плакат, который висит в Лондоне на перекрёстке улиц, для того чтобы люди, переходя улицу, не тащились, как черепаха, но и не скакали, как заяц.

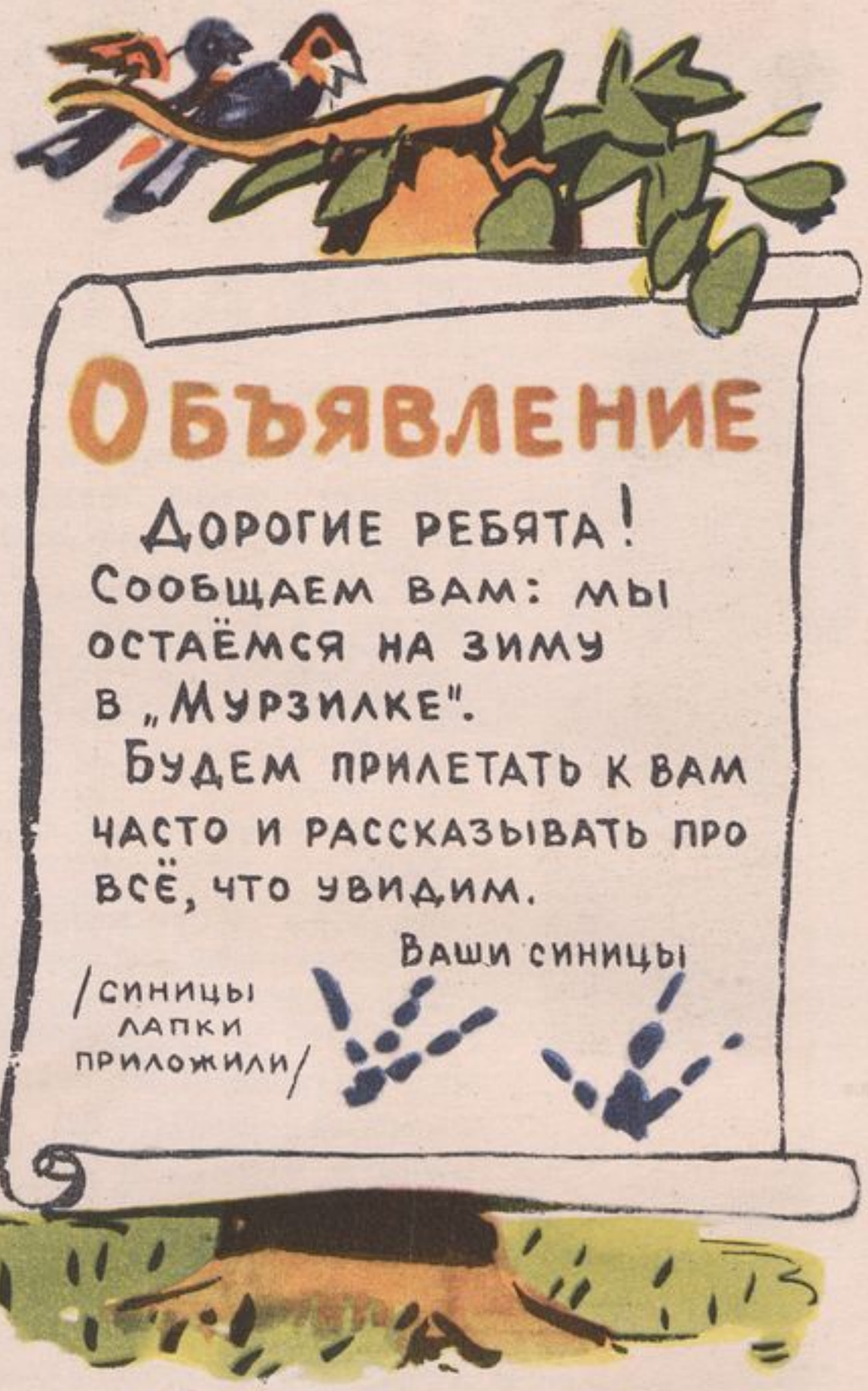
Наш художник увидел этот плакат, он ему очень понравился. Вот как он его нарисовал.

ГДЕ МЫ БЫЛИ

Не в роще,
Не в парке,
Не в поле—
В 618-й школе!

Летали на Басманную
Разведать, как дела,
Видали птицу странную—
Не дятла, не щегла,
Не снегиря, не сойку!

Что ж птица не поёт?
А ей учитель двойку
Поставил за полёт.



В ШКОЛЕ № 8

Видали две синички
Мальчишку-сорванца.
Соседку за косички
Он дергал без конца.

Нашла соседка способ
Бороться с этим злом:
Она связала косы
Тугим морским узлом.

Встревожены синички:
Придёт она домой,
Не расплести косички
Теперь и ей самой!

Может шустрая синица
В каждой школе появиться,
Прилететь в любой момент.
Знай, она не просто птица—
Это наш корреспондент.

РИСУНОК Е. РАЧЁВА К СКАЗКЕ „КОЛОБОК"

На обложке — рисунок Т. Ерёминой «Новый год»

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Год издания тридцать первый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Художественный редактор О. Камкин Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. *Технический редактор А. Бодров*

А07353 Подписано к печати 1/XII 1954 г. Бумага 60×92¼=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 650 000 экз. Заказ 2487

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Здравствуйте, ребята! Узнаёте? Я Петрушка. Здесь я нарисованный, а хотите, буду как живой? Сшейте из материи мешочек. Склейте три бумажные трубочки, такие, чтобы ваши пальцы поместились в них. Вставьте трубочки в мешочек, одну посредине, две по углам, и прикрепите нитками. Сделали? Хорошо. Смастерите маленькие перчаточки и наденьте на крайние трубочки — это мои руки. Набейте чулок ватой — это моя голова. Сделайте из твёрдой бумаги нос и засуньте его в чулок. Вместо глаз — пуговки. Кудри из мочалки. Пришейте к ним красный колпачок — он мне к лицу. Нарисуйте губы и румянец во всю щёку. Насадите голову на среднюю трубочку. Я готов. Наденьте меня на руку и проденьте пальцы в трубочки. Видите, я сразу ожил. Покажите меня ребятам. Я весёлый, знаю песенки, сказки, загадки, над лентяем посмеюсь, примерным поклонюсь. Вот какой молодец Петрушка. Ай да я!